

Варианты технических антиутопий
и локальных апокалипсисов
в романе Вс. Иванова и В.Б. Шкловского
«Иприт»

Федор Е. Платонов

*Московский университет имени А. С. Грибоедова,
Москва, Россия, fedor.platonoff@yandex.ru*

Леонид В. Дубаков

*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
Шэньчжэнь, Китай, dubakov_leonid@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу антиутопических и апокалиптических элементов романа Вс. Иванова и В.Б. Шкловского «Иприт». Основная цель исследования – выявить имеющиеся в книге составляющие технических антиутопий и локальных апокалипсисов, охарактеризовать их природу и специфику, обозначить их взаимосвязи, оценить качество художественной прогностики писателей. В работе демонстрируется мнимый характер оппозиций конкретных антиутопии и утопии «Иприта» – западной и советской, обозначается причина, характер и последствия войн, организованных Западом против СССР и освобождающегося от колониализма Востока, войн, что приводят к череде локальных мировых апокалипсисов, фиксируются особенности постапокалиптической реальности. Также устанавливается, что интертекстуальный слой романа, помимо множественных серьезных и пародийных отсылок к мировой и советской литературе, к собственным произведениям авторов, к общественно-политической ситуации, современной писателям, содержит также диалог с сочинением В.С. Соловьева «Краткая повесть об антихристе» из «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Образы, мотивы, отдельные сюжеты этого соловьевского произведения подвергаются в «Иприте» травестийному осовремениванию, корректируются, исходя из изменившихся технических и экономических реалий, но при этом сохраняют свой предупреждающий потенциал.

Ключевые слова: Вс. Иванов, Шкловский, техническая антиутопия, локальный апокалипсис, пародия, травестия, интертекст, онейрическая «кастрация»

Для цитирования: Платонов Ф.Е., Дубаков Л.В. Варианты технических антиутопий и локальных апокалипсисов в романе Вс. Иванова и В.Б. Шкловского «Иприт» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 11. Ч. 2. С. 308–316. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-308-316

Variations of technical anti-utopies and local apocalypses in the novel by Vs. Ivanov and V.B. Shklovsky “Iprit”

Fedor E. Platonov

*A.S. Griboyedov Moscow University,
Moscow, Russia, fedor.platonoff@yandex.ru*

Leonid V. Dubakov

*Shenzhen MSU-BIT University,
Shenzhen, China, dubakov_leonid@mail.ru*

Abstract. This article analyzes the dystopian and apocalyptic elements of Vs. Ivanov and V.B. Shklovsky's novel “Iprit”. The primary objective of the study is to identify the book's components of technical anti-utopies and local apocalypses, characterize their nature and specifics, outline their interrelations, and evaluate the quality of the writers' artistic prognostications. The paper demonstrates the imaginary nature of the oppositions between the specific dystopias and the utopia of “Iprit” – Western and Soviet – and identifies the cause, nature, and consequences of the wars organized by the West against the USSR and the East liberating itself from colonialism, wars that lead to a series of localized global apocalypses, and documents the characteristics of post-apocalyptic reality. It is also established that the novel's intertextual layer, in addition to numerous serious and parodic references to world and Soviet literature, the authors' own works, and the socio-political situation contemporary to the writers, also contains a dialogue with V.S. Solovyov's essay “A Short Tale of the Antichrist” from “Three Conversations on War, Progress, and the End of World History”. The images, motifs, and individual plots of that Solovyov work are subjected to a travesty-like modernization in “Iprit”, adjusted up to changing technical and economic realities, while retaining their warning potential.

Keywords: Vsevolod Ivanov, Shklovsky, technical dystopia, local apocalypse, parody, travesty, intertext, oneiric “castration”

For citation: Platonov, F.E. and Dubakov, L.V. (2025), “Variations of technical anti-utopies and local apocalypses in the novel by Vs. Ivanov and V.B. Shklovsky ‘Iprit’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 11, part 2, pp. 308–316, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-308-316

Введение

Актуальность данной статьи определяется несколькими позициями. Во-первых, творчество Вс. Иванова, известного советского писателя, хотя давно должно было быть освоено литературоведами, тем не менее по-прежнему содержит так называемые белые пятна – неизученные смысловые и поэтические территории. Связано это в том числе с тем, что некоторые его произведения были опубликованы относительно недавно, а другие не опубликованы вовсе. Во-вторых, литературоведение проявляет повышенный интерес к жанру антиутопии не только в современной словесности, но и в литературе прошлого. Варианты антиутопий, переходы утопий в антиутопии, смешение антиутопий с другими жанрами и т. д. – сегодня по-прежнему в центре внимания литературоведческой науки. В-третьих, в условиях напряженной геополитической ситуации настоящего времени гуманитарная наука (и та, что изучает художественные тексты) сконцентрирована, кроме прочего, на осмыслении возможных глобальных или локальных катастроф. «Иприт» Иванова и В.Б. Шкловского представляет собой именно такой текст – его прогностика и его апокалиптическая составляющая фактически обращены в наше алармистское время.

Цель статьи – охарактеризовать природу и специфику вариантов антиутопий и локальных апокалипсисов, обнаруживаемых в романе «Иприт», обозначить их взаимосвязи, оценить качество художественной прогностики писателей. Задачи – описать литературный контекст, внутри которого создавался роман «Иприт»; выявить и проанализировать антиутопии этой книги; соотнести мотивы романа с «Краткой повестью об антихристе» В.С. Соловьева, обозначить сходства и отличия этих произведений. Объект исследования – роман «Иприт» и присутствующие в этом произведении элементы жанров антиутопии и апокалипсиса. В статье задействуются методы жанрового, мотивного, сравнительного и герменевтического анализа.

Роман Иванова и Шкловского «Иприт» опубликован в 1925 г. и традиционно считается книгой фантастической. Или авантюрной, как ее определяли сами авторы. Однако Е.А. Папкина в статье «Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910–1930-х гг.» справедливо указывает также на элементы антиутопии, обнаруживающиеся в этом романе [Папкина 2022, с. 33].

В целом жанр антиутопии для литературы начала века и литературы первых двух десятилетий СССР – один из важнейших и распространенных. Искусство Серебряного века предчувствовало грядущую катастрофу мировой войны, смену культурной

парадигмы и опасности, что в результате этого могут последовать для человеческого духа. В 1920-е и в 1930-е гг. писатели активно размышляли о соблазнах построения нового общества и созидания нового человека. Тенденция литературы того времени – разглядеть в утопии антиутопию или как бы проговориться о сомнительном характере строящейся утопии. И даже если писатель не закладывал в конкретную утопическую мечту возможность ее прочтения в качестве своей противоположности, граница между утопией и антиутопией оказывалась чрезвычайно тонка [Солдатов, Тузовский 2010, с. 40]. Творчество Вс. Иванова, как и некоторых его коллег по писательскому цеху, также исследует вышеобозначенные проблемы, использует указанный жанр. Так, антиутопические мотивы можно обнаружить в его рассказе «Происшествие на реке Тун» (1925), романе «У» (1931–1933) и, конечно, в книге, которая анализируется в этой статье.

Оппозиция технических антиутопий

Иванов и Шкловский в «Иприте» рисуют мир, в котором противопоставляют друг другу лондонский Сити и московский Кремль: в Сити «сосредоточена вся венозная кровь мира», «в Кремле источник алой артериальной крови, обновляющей землю»¹; иными словами – центры капиталистического и коммунистического мира середины 1920-х гг.: «И только две силы есть сейчас в мире: Америка и Советы»². Второй из них представляется авторами в качестве мира идеального, первый – его антипода, т. е. утопии и антиутопии.

Лондон – город, в котором имеется жесткая социальная сегрегация и эксплуатация. Хотя он избавится до трубных дымов через посредство дымогарных станций, или «дымовых канализаций», но сохранит свою «биохимическую» специфику, и классовая эксплуатация в нем лишь усилится), а эксперименты в области газохимии приведут к тому, что его грязные туманы сменятся отравляющими веществами. Свои внутренние яды Лондон направит вовне. Кроме того, Лондон – это город, где бедным людям не удастся засыпать. Люди спят на ходу или проводят время в кабаках в натужном веселье,

¹ Иванов Вс., Шкловский В. Иприт. М.: Ред Фиш: Амфора, 2005. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/eKdJGskO5OP1TwElWopTNaPW6JsoKH1J6xayTS-n8ro7CmsgT5NhX7Q0TWRWsdhwpKHjaUWQvhSyIxl78MjzjfFN_OoStvhr6ZO8mG0UXt9qgAABYUyYQ/Ivanov_Vsevolod_Iprit.pdf (дата обращения: 26.07.2025).

² Там же.

а когда все же ложатся – не могут от усталости уйти в сон. Таким образом, в первой главе романа Иванов и Шкловский создают антиутопию западного мира: богатые тормозят развитие, и Лондон переживает экологическую катастрофу, а когда научно-технический прогресс делает шаг вперед, то его плоды используются для подготовки к войне; бедные жители – объект постоянной эксплуатации, которая доходит до крайности: рабочих людей лишают места и сна.

Профессор Монд, предвеля мировую войну, создает газ сусанит, который может лишать человека сна. И если в реальном романном Лондоне рабочим людям физически мешали спать, то в Лондоне будущего газо- и биохимическая наука придумывает способ онейрической «кастрации» человека. Западная антиутопия достигает здесь своего пика. Невозможность спать приводит к тому, что люди прозревают пустоту своей жизни. Лондон ищет развлечений, чтобы заполнить эту пустоту: люди истерично танцуют и соединяются, многие оканчивают жизнь самоубийством. Слово «сон» в этой антиутопии оказалось табуировано.

В противовес этому СССР, повышая культурный уровень трудящихся и улучшая их быт, осуществляет успешную индустриализацию и поддерживает баланс города с развивающимся селом. При этом, как и Великобритания, Советы основной упор делают на химию. Город Ипатьевск – центр советской химической промышленности, создает вещества, обеспечивающие основу праздников, а также призванные бороться с сельскохозяйственными вредителями и врагами-захватчиками советского государства. Но советская техническая утопия словно «отсвечивает» теми же антиутопическими тонами, что и западный мир (Нью-Йорк и Ипатьевск даже внешне схожи: там и там небоскребы, виадуки, поезда): человечество, пусть исходя из разных социально-экономических и политических систем, но форсирует свое развитие, не замечая его опасных экологических последствий.

Другая попытка представить светлое, утопическое будущее СССР – город Ленинстрой. Если Ипатьевск – памятник 1920-м гг., с их ориентацией на перенимание западного стиля, то Ленинстрой мыслится Ивановым и Шкловским как национальный русский, северный, равнинный, а не устремленный по-западному ввысь город. Писатели рассказывают про его техническую новинку: на дымовых завесах показывают кинокартины. Перечисляя американские образы и сюжеты фильмов, Иванов и Шкловский, одновременно характеризуют город, видимый сквозь дымовую завесу: Ленинстрой видится одетым в условный «сталинский ампир». При этом сцена просмотра фильма с Чарли Чаплиным вызывает ужас даже до того,

как на город начинают падать бомбы. Ленинстроевцы превратились в смеющихся детей, которым предоставили развлечения. Люди забывают про ультиматумы Антанты и смеются, поскольку великий актер едет как «сам смех»³. Кульминация сцены – гро-тескная, ужасная массовая гибель горожан, над которыми, подобно беклиновской чуме, в газовом тумане, бежит воплощенный смех. Ленинстрой переживает апокалипсис («Волхов прорвал плотины. Хлынули, затопляя окрестности, освобожденные воды»⁴) как переживал наводнение в пушкинской повести похожий на него «Петербург, этот странный город, созданный империей»⁵.

*«Краткая повесть об антихристе»
В.С. Соловьева в романе:
травестирование и предупреждение*

Западный мир в лице своих богатых представителей, стремясь сохранить свое лидирующее положение, создает «бога» и новую псевдорелигию. Сюжет, связанный с Реком, заставляет увидеть разнообразные отсылки к апокалиптической литературе – в частности к Откровению Иоанна Богослова и, главным образом, к «Краткой повести об антихристе» В.С. Соловьева.

Бога из Река делает соблазняющий его американский пастор, напоминающий незримого дьявола с сухим голосом (ср.: «голос, глухой, точно сдавленный, и вместе с тем отчетливый, металлический и совершенно бездушный, вроде как из фонографа»⁶). Но Рек – пародия на бога: он восседает «между двумя неграми, яростно трубившими в саксофоны»⁷, искажая иконографию ангелов с трубами и призывая к войне. Рек «объявил свою жену херувимом и требовал, чтобы она ходила в бриллиантовой короне»⁸. Рек также пародирует библейские фразеологизмы: «Не одними акциями жив человек»⁹.

Рек заявляется к пастору из гамбургского публичного дома; мать антихриста, описанного у Соловьева, «особа снисходительного

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением Краткой повести об антихристе. URL: https://azbyka.ru/fiction/tri-razgovora/#ch_0_4 (дата обращения: 26.07.2025).

⁷ Иванов Вс., Шкловский В. Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

поведения, была отлично известна обоим земным полушариям» и «слишком много разных лиц имели одинаковый повод считаться его отцами»¹⁰. В «Иприте» отцу Река американцы выписали чек и сказали, что теперь он кто-то вроде Иосифа (т. е. Обручника). Рек в прошлом, по всей видимости, мелкий служащий («симпатичный белокурый молодой человек, с внешностью приказчика из лучшего магазина»¹¹ (ср.: он в «блеске своей сверхчеловеческой юной красоты»¹²), соглашается стать живым богом, фактически – антихристом. (Интересно, что, когда фильм о нем показывают в Советах, его брат ощущает запах серы¹³.) Его появление перед людьми приурочивается газетной шумихой (ср.: «Тысячи газет во всех частях света будут целый год наполняться издательскими рекламами и восторгам критиков»¹⁴) и начинается с земных чудес – так, он накормил пять тысяч человек, воскресил человека, превратил воду в спирт («вино») и вознесся на небо. Однако эти «чудеса» в основе своей ложны, пародийны: Рек накормил людей мороженым, не забыв про рекламу этого продукта, приказал вылить ненужный спирт в реку, «воскресил» он обанкротившегося человека, всего лишь выписав ему чек, вознесся в паккарде – «на невидимых проволоках»¹⁵.

Антихрист Соловьева инициирует вселенский христианский собор, Рек – религиозную конференцию с целью объединения представителей всех конфессий. Также у Иванова и Шкловского эта конференция посвящена проблеме сохранения власти предрержащих. Антихристова карьера Река заканчивается, когда вместе с другими Пашка Словохотов совершает в Лондоне переворот. О Реке он говорит так: «– А, вот мой двойник...»¹⁶. Можно предположить, что речь идет не только о внешнем сходстве этих героев, но и о том, что Пашка выступает в роли освободителя угнетенных, как бы Христа, темным двойником которого, как известно, является антихрист. Финал антихриста в «Трех разговорах» – войско императора провалилось под землю – в сниженном виде повторяется в «Иприте»: Рек, ставший кинематографистом, прогорает, его фильмы о самом себе проваливаются в прокате (переносное значение глагола здесь коррелирует с прямым).

¹⁰ Соловьев В.С. Указ. соч.

¹¹ Иванов Вс., Шкловский В. Указ. соч.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Соловьев В.С. Указ. соч.

¹⁵ Иванов Вс., Шкловский В. Указ. соч.

¹⁶ Там же.

Заключение

Итак, роман Вс. Иванова и В.Б. Шкловского «Иприт», по форме являясь авантюрным романом, содержит также элементы технических антиутопий и рисует локальные апокалипсисы, возможность которых авторы прозревают в будущем. Антиутопии «Иприта» связаны с противоборством двух систем – капиталистической и коммунистической. Антиутопия, порожденная Западом, в романе очевидна, хотя и гиперболизирована: люди не просто лишены спокойного сна из-за зависимости от работы и денег, но принуждены власть предержащими к онейрической «кастрации». Менее очевидна в книге, но все же различима антиутопия, к сожалению, порождаемая и Советами. В «Иприте» можно заметить склонность советского государства к насилию и упрощению действительности. Также в романе присутствуют локальные апокалипсисы – варианты будущих войн как результата противоборства Запада и России. Фактически мировая война, ведущаяся с использованием газового и биологического оружия, аэропланов и беспилотных аппаратов, приводит к уничтожению целых городов и людских множеств, превращает реальность в постапокалиптический мир.

Кроме того, авторы создают сквозной сюжет, основанный на образах и мотивах сочинения В.С. Соловьева «Краткая повесть об антихристе» (в статье ««Видения грядущего» в прозе В. Итина и Вс. Иванова 1920-х гг.» Е.А. Папкина уже обращала внимание на соловьевское влияние на прозу Иванова, но говоря лишь про рассказ «Происшествие на реке Тун» [Папкина 2025, с. 180]). Один из героев «Иприта» оказывается пародией на антихриста из «Краткой повести», но, несмотря на комичность этого персонажа и трагический характер осовременивающего «пересказа» соловьевского апокалипсиса у Иванова и Шкловского, вред, приносимый людям «антихристом» Реком, ничуть не менее серьезен и велик.

Литература

- Папкина 2025 – Папкина Е.А. «Видения грядущего» в прозе В. Итина и Вс. Иванова 1920-х гг. («Страна Гонимых» и «Происшествие на реке Тун») // Соловьевские исследования. 2025. Вып. 1 (85). С. 180–193.
- Папкина 2022 – Папкина Е.А. Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910–1930-х годов // Литература в школе. 2022. № 4. С. 27–39.
- Солдатов, Тузовский 2010 – Солдатов В.Е., Тузовский И.Д. Социокультурное пространство в антиутопиях: основные черты моделируемого социума // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. № 3 (23). С. 40–49.

References

- Papkova, E.A. (2025), “ ‘Visions of the Future’ in the prose of V. Itin and Vs. Ivanov of the 1920s (‘The Country of Gonguri’ and ‘Incident on the River Tun’)”, *Solov’evskie issledovaniya*, vol. 85, iss. 1, pp. 180–193.
- Papkova, E.A. (2022), “The fantastic in the prose of Vsevolod Ivanov of the 1910–1930s”, *Literature at School*, no. 4, pp. 27–39.
- Soldatov, V.E. and Tuzovskii, I.D. (2010), “Sociocultural space in dystopias. Main features of the modeled society”, *Culture and Arts Herald*, vol. 23, no. 3, pp. 40–49.

Информация об авторах

Федор Е. Платонов, аспирант, Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия; 115035, Россия, Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7; fedor.platonoff@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0005-5904-343X

Леонид В. Дубаков, кандидат филологических наук, доцент, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай; 518172, Китай, Шэньчжэнь, район Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1; dubakov_leonid@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1172-7435

Information about the authors

Fedor E. Platonov, postgraduate student, A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia; bldg. 7, bld. 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, Russia, 115035; fedor.platonoff@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0005-5904-343X

Leonid V. Dubakov, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Shenzhen MSU–BIT University, Shenzhen, China; 1, International University Park Road, Longgang District, Shenzhen, China, 518172; dubakov_leonid@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1172-7435